

Письмо Г. Риккерту Ф.А. Степун

Dresden, den 8.6.1932¹

Дорогой и глубокоуважаемый профессор Риккерт!

Наташа² и я благодарим Вас за Ваше любезное письмо. Мы тоже консервативные люди и становимся все более консервативными. И поэтому было для нас особой радостью вдруг в Дрездене услышать голос из нашей юности. Мы думаем очень часто о нашем первом зарубежном путешествии и первом посещении, которое мы с ней вместе совершили за границей: это было у Вас во Фрейбурге³. Наташа ужасно боялась и в последний момент хотела убежать, предоставив мне идти одному.

Теперь отвечаю на Ваши вопросы. Только коротко и предварительно. Чтобы все точно рассказать, как и что у нас происходило и еще происходит, я должен был бы потратить много времени. Это получилось бы, если мы бы мы снова однажды смогли вместе посидеть в Гейдельберге. Может, это как-нибудь и удастся сделать. Но при сегодняшних обстоятельствах это было бы возможно, лишь если бы я получил приглашение на доклады в Баден.

У Наташи, чтобы начать с нее, последнее время дела не очень хороши. Январь и февраль она бесконечно страдала из-за опоясывающего лишая (Gürtelrose). Врач сказал, что он никогда такого тяжелого случая не видел, но также никогда не лечил такого терпеливого пациента. У Наташи этот опоясывающий лишай идет по половине головы. Вы, наверное, знаете, что свое имя эта болезнь носит несправедливо, ибо это не кожная, а нервная болезнь. Это ослабление нервов головы. Чтобы описать мне эту боль, врач предложил вообразить, что все зубы од-

¹ Архив Хайдельбергского университета: Heid. Hs. 2740. Erg. 93, 1.2 Stepun (Stepphun), Fedor, 5 Bg., 1922-1932. (Оригинал письма - на немецком языке, напечатан на машинке, некоторые слова вписаны поверх строки пером - их я выделяю курсивом, все подчеркивания в тексте принадлежат Степуну).

² Жена Степуна (с 1911 г.) – Наталья Николаевна Степун (урожд. Никольская; 1886-1961).

³ Генрих Риккерт был с 1894 профессор Фрайбургского, с 1916 — Хайдельбергского университетов, где он сменил В. Виндельбанда, у которого учился Степун. Существенно отметить, что и Виндельбанд и Риккерт поддержали в 1909 г. идею о создании журнала «Логос», связав молодых русских и немецких студентов с издателем Паулем Зибекком, а название журнала предложил Риккерт. Как пишет исследователь, «инициаторы создания журнала — Николай Бубнов, Сергей Гессен, Федор Степун и Борис Яковенко, а также Рихард Кронер, Георг Мелис и Арнольд Руге были знакомы друг с другом. Они вместе учились в Гейдельберге у философа Вильгельма Виндельбанда, а затем во Фрайбурге у его коллеги и ученика Генриха Риккерта» (См. *Крамме Р.* «Творить новую культуру – "Логос". 1910-1933» // Социологический журнал, 1995. № 1. С. 122-137).

новременно получили бы нервное воспаление. Дело это все еще не закончилось. Голова остается чувствительной и к этому надо добавить невероятную чуткость ко всем космическим и душевным изменениям в окружающем воздухе. Все-таки дела обстоят уже много лучше. Да, можно сказать, что дело идет отлично в сравнении с тем, как оно шло сначала. Только начало было таким плохим, что даже большое улучшение не означает еще абсолютно счастливого состояния.

Откуда это все пришло, неизвестно. Врач сказал, что причины появления опоясывающего лишая не исследованы. Предположительно, что этой причиной были душевные волнения. Может быть, Вы знаете, что мой брат⁴, который учился со мной в Гейдельберге, теперь уже примерно два года назад был совершенно неожиданным образом арестован. Обвинение звучало совершенно бессмысленно: за связь с немецким генеральным штабом и реакционными кругами эмиграции. Публичный процесс проведен не был. Мы не знали, что там происходит, и должны были ожидать самого худшего. Наташу волновали все эти заботы и мучила совесть. Мой брат как раз последние полгода перед арестом был у нас, а я каждый год читаю лекции в рейхсвере. У нас есть основание предполагать, что брата посадили из-за меня.

Уже полгода, как он выпущен из заключения; намекают (писать невозможно), что выпущен постаревшим и больным. То есть врачи (читай: чекисты) не стали скрывать, что исход болезни может быть очень скверным. Приговор звучит: 10 лет ссылки на дальний Восток или на Север. Как бы непостижимо это ни звучало, вполне постижимо, что мы были удовлетворены даже этим исходом. В последнее время пришло известие, что мой брат сослан только на два года в маленький провинциальный город. Он сам написал записку. Совершенно спокойную, записку человека, смирившегося со своим положением, но все же не без сильного желания к новой организации своей жизни. Он должен теперь все по-новому построить. У моего брата было большое положение как профессора Московского университета и как научного эксперта в области советской экономики. Все это, разумеется, закончено. Он получил совсем маленькую должность, которая его самого кормит весьма скудно. Его жена осталась в Москве и преподает немецкий, английский и французский советским бонзам. Само собой разумеется, что при этих обстоятельствах мой брат ничего моей матери посылать не может и что я не только один должен поддерживать мою мать, но также посылать деньги в Россию. Из 600 рейхсмарок оклада 300 отправляются родственникам. Отсюда

⁴ Скорее всего речь идет о брате Ф.А. Степуна – Оскаре (1885- ?), второй брат Владимир (1886- ок. 1965) был артистом студии МХАТ. О.А Степун был профессором химии и бактериологии (ср. письмо Степуна И.А. Бунину от марта 1934 г. // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 108). Однако в этом письме Ф.А. называет его экспертом в области советской экономики. То ли это превратности судьбы Оскара Августовича, то ли оговорка Ф.А. в каком-либо случае.

объясняется, почему мы не можем больше захватить в Гейдельберг. Кошачий прыжок (Katzensprung)⁵ превратился в лавинный, и мы не прыгаем. О других русских печалях я хочу написать в следующий раз. Положение в России очень сложное. Эта сложность достигает высшей точки для меня как политика в эмиграции в ясном понимании, что всякая активная, тем более военно-террористическая борьба против Советов может быть только вредной. С экспроприацией и коллективизацией крестьянства поставлен под вопрос последний социальный базис контрреволюции. Отсюда мы не можем делать ничего другого, как только разрабатывать мировоззрение будущей России, *на котором она должна строиться*⁶. Мы должны, таким образом, выступать в роли своего рода Руссо для будущего исторического процесса России. Это решение – удовлетвориться долгосрочной работой – далось мне и моим друзьям нелегко. После того как мы внутренне приняли это трудное решение, мы перешли к соответствующему образу действий. Мы основали журнал под названием, которое очень трудно передать по-немецки, примерно так: «Новая крепость» („Neuburg“), «Новое дело» („Neuwerk“)⁷. На этот журнал и на наше направление идет страстное нападение со стороны правоориентированной радикальной эмиграции, и наше положение совсем нелегкое. Я пишу в каждый номер статью (журнал выходит раз в два месяца) и вследствие этого очень занят. И все же, как я уже сказал, я должен был бы обо всех этих вещах говорить точнее, чтобы они были ясны. Моя здешняя работа при этом не сокращается, и я развиваюсь в некую рабочую машину, чего я от себя не ожидал. Моей здешней работой могу я быть скорее доволен. Здесь, как Вы знаете, нет полной академической свободы. Предметы здесь делятся на основные и предметы по выбору. На основные предметы должны ходить все студенты, на предметы по выбору являются только их выбравшие, все остальные практически не имеют времени посещать что-либо кроме их основного и выбранного ими предмета. Несмотря на это в прошлом зимнем семестре был у меня семинар с 200 слушателей. Я читал, впрочем, на тему: «Россия и Европа как проблема русской философии истории и социальной философии». В летний семестр затишье. Я читаю скромное введение в социологию. Все-таки присутствуют 70-80 человек. Все это доставляет мне много радости. Особенно семинар, который я веду совместно с проф. Шпамером⁸, о методике этнографии и социологии. Многие мои коллеги также

⁵ Степун обыгрывает идиоматический оборот: nur ein Katzensprung – рукой подать; Katzensprung в буквальном переводе - кошачий прыжок.

⁶ Эти слова написаны ручкой над строкой.

⁷ Речь идет об основании знаменитого эмигрантского парижского журнала «Новый град» (Париж, 1931-1939, №№1-14). Соиздателями было три человека: И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун и Г.П. Федотов, при участии матери Марии (Скобцовой).

⁸ Адольф Шпамер (1883—1953) – германист и этнолог, в 1926—1949 гг. – профессор Дрезденского высшего технического училища. См. о нем. : *Клемперер Виктор*. ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 146-147.

удивляются, почему я так интенсивно занимаюсь методологическими вопросами, когда я имею столь непосредственное отношение к предмету и жизни. Я однажды сам задал себе этот вопрос и пришел к выводу, что, во-первых, во мне еще сохраняются воспоминания юности, которые сильно на меня воздействуют, и, во-вторых, здесь присутствует определенное чувство формы. Все больше и больше я воспринимаю методологическую небрежность как бесформенность и все больше и больше становлюсь методологом, исходя хотя бы из моего собственного художественного опыта. Я могу, может быть, даже сказать, что эстет Переслегин⁹ есть собственно теоретик познания во мне.

В связи с этим я со странным чувством прослушал недавно доклад Хайдеггера, который в здешнем философском обществе говорил о сущности истины.¹⁰ Я уже Хайдеггера видел и слушал во Фрайбурге. Позднее читал его «Бытие и время». Но только в последнем докладе, как кажется, мне совсем стал ясен феномен Хайдеггера. Основное чувство, с которым я покидал зал, было чувство несомненной духовной враждебности. Очень трудно передать впечатление, которое я получил, стремительно *диктуя письмо машинистке*. Главное в том, что в докладе не было ничего, абсолютно ничего нового, ничего существенного и ничего глубокого. Убеждение, которое я с самого начала и, в общем, в противоречие со всеми высказывал, именно, что Хайдеггер безмерно переоценен и означает не философский, но социологический феномен, духовную форму сегодняшней ситуации, - *для меня лично* - полностью подтверждается. И все же я видел и слышал абсолютно своеобразного человека, получил впечатление, которое во мне удерживается уже долго, которое я не могу уже угасить несколько дней¹¹. Оба момента объединяются в переживание и в понятие какого-то неугасимого здесь-бытийствующего Ничто. По технике мышления и языковой силе доклад сработан блестяще. В самой фактуре, в построении предложений, в обходах проблем было что-то от мастерства большого ремесленника. Я с большой радостью чувствовал

⁹ Речь идет о герое романа Степуна «Николай Переслегин». Париж. «Современные записки». 1929.

¹⁰ В своем знаменитом труде Хайдеггер так писал об этой проблеме: «"Дефиниция" истинности как раскрытости и бытия-раскрывающим не есть и голое словесное пояснение, но вырастает из анализа тех установок присутствия, которые мы ближайшим образом обыкновенно именуем "истинными"» (*Хайдеггер Мартин*. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 220). Это, по мысли, исследователей основная проблема Хайдеггера: «Все сочинения Хайдеггера посвящены осмыслению истины как открытости, как разверзания бытия» (*Михайлов А.В.* Вместо введения // *Хайдеггер Мартин*. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем., составл., вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. XXIII).

¹¹ О феномене Хайдеггера-лектора писал Гадамер: «С давних пор сложилось так, что лекции и доклады Хайдеггера вызывали всеобщий интерес; в списках, в виде рефератов они получили столь широкое распространение, что о Хайдеггере как о философе пошла "молва"» (*Гадамер Г.Г.* Введение к Истоку художественного творения // *Хайдеггер Мартин*. Работы и размышления разных лет. С. 120).

и наслаждался этой мастеровитостью и ремесленным искусством. При этом парадоксальным было то, что материал, который оформлялся и обрабатывался на моих глазах, был совершенным Ничто в смысле собственного жизненного опыта, духовного познания, нового видения.

Если бы доклад был передо мной отпечатанным, я мог бы показать в деталях, что он логичен только стилистически, но как мыслительное построение абсолютно нелогичен и что он нов только своей необычной формой, но не содержанием мысли. Я не знаю, до какой степени сознательно Хайдеггер вставлял в свои построения совсем старые, частично от Вас идущие, вещи. Суждение о треугольнике, которое само не треугольно, превратилось в суждение о пяти марках, на которые ничего нельзя купить. А продвигаясь дальше к своей основной дефиниции: истина есть свобода, он говорил о дерзновенной задаче – ввести в теоретический раздел понятие свободы, которое философия всегда употребляет только в этической сфере как свободу воли. Я не знаю, кого он воображал среди своих слушателей. Действительно ли он предполагал, что никто из нас ничего не знает о Фихте и о Вашем предмете познания¹², о знании как совести, о суждении как предрасудке? Слушая его, я непроизвольно подумал об эстетическом приеме, который осмеливается брать у других старое имущество мысли лишь объявляя, что привносится нечто никогда не бывшее. Здесь есть какое-то мужество банальности, превратившееся в мужество парадокса. И самое странное при этом: дело удалось. Хайдеггер звучит оригинально. Может быть, потому, что в рамках его духовности действительный парадокс – не бояться банальности.

Заключение логицистически бронированного доклада было совершенно неожиданным. Вдруг Хайдеггер с совершенно огненными, налившимися кровью глазами молодого бычка бросил взгляд в правый угол зала и объявил, что речь идет теперь (истина есть свобода) не о том, чтобы гнуть, но о том, чтобы ломать, не о финансовых комиссиях, но о германском самосознании, о свободе. Этот политический взлет в национал-социалистическую стратосферу он закончил в почти большевистской манере призывом «штурмовать небо»¹³. Истина, которая есть свобода, была сознательно противопоставлена освобождающей истине Еванге-

¹² Речь идет о работе Риккерта (лекции которого, кстати, Хайдеггер слушал во Фрайбурге) «Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания». На русский эта работа была переведена Г.Г. Шпетом.

¹³ Кажется, все споры о нацистских мотивах в творчестве и социальном поведении Хайдеггера достаточно трезво резюмировал современный немецкий историк (сам склонный к оправданию нацизма): «Крупнейший философ Германии сражался на стороне национал-социализма точно так же, как ее наиболее знаменитый юрист. Впрочем, Хайдеггер одумался уже в 1934 году, а Карл Шмитт в конце концов тоже проникся подозрительностью в отношении своей партии» (*Нольте Эрнст*. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003. С. 347.).

лия от Иоанна (познайте истину, и истина сделает вас свободными)¹⁴. Этим атеистическим аккордом окончился доклад.

После доклада собрались большим обществом. Наш теолог Делекат¹⁵, которого Вы, вероятно, знаете по имени - очень медлительный, очень серьезный, знающий, но может быть не очень способный к вчувствованию, не очень *грациозный ум*, который в данное время работает над очень большим произведением, в котором он хочет, насколько я знаю, вскрыть христианские основы современной немецкой культуры¹⁶, перешел сразу же к своего рода «допросу» Хайдеггера, в котором он с сократической вьедливостью предложил ему ответить на вопросы. Делекат – сын вестфальского крестьянина¹⁷ и при этом решительный христианин. Он для начала пошел на Хайдеггера со своего рода христианскими навозными вилами, не пускаясь ни в какие филолого-исторические аналогии и не в какие логические определения¹⁸. Скоро стало неуютно. Янентский¹⁹ написал мне за-

¹⁴ Очень часто приводимая Степуном цитата: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8. 32).

¹⁵ Фридрих Делекат (1892-1970) – теолог и педагог, работал сначала священником в Берлине, затем преподавал в берлинском религиозно-педагогическом институте, в Дрездене, Майнце.

¹⁶ Скорее всего, речь идет о следующей книге: *Delekat, Friedrich. Die Kirche Jesu Christi und der Staat, Furche-Verlag, Berlin, 1933*. Смысл этой работы ясен из «Воспоминаний» Делеката: «Таким образом я пытался постоянно обучить их (студентов. – В.К.) разнице между государством, имеющим настоящий авторитет, и авторитарным государством. Я разъяснял, что призыв к авторитарному государству только тогда звучит, если не хватает настоящего авторитета, но что настоящий авторитет не может быть установлен через простое изменение конституции и внешнее насилие. Но понимали ли меня мои слушатели?» (*Delekat, Friedrich. Lebenserinnerungen. Bonn, 1971. S.159. Alle Rechte vorbehalten. Universitätsbibliothek Heidelberg. Geschenk von Prof.Dr. Lienhard Delekat. Это переплетенная машинопись, возможно, ксерокопия.*) И далее он поясняет: «В фанатических ура-призывах, с которыми Гитлер был приветствуем на своих манифестациях, принимались эти ура-требования политического воздуха, в котором отсутствовал настоящий руководитель. Они, те, что уже не имели церкви, сделали церковь из государства» (Ebenda, S. 166).

¹⁷ Фридрих Делекат так писал о своем происхождении: «Мой отец был – также как дед и прадед – учитель в народной школе, он был женат также, как и они на дочери простого крестьянина» (*Delekat, Friedrich. Lebenserinnerungen. Bonn, 1971. S.1*).

¹⁸ В главе, посвященной годам жизни в Дрездене (1929-1943), он говорит о напряженности политической обстановки в учебном заведении, в том числе пишет о проблеме свободы и истины, как проблеме, волновавшей тогда умы. Эта тема интересовала и его самого. В своих воспоминаниях он писал: «Учение о свободе и несвободе воли с ее выходами в психологию, характерологию и этику, отношение гуманизма и христианства со всеми их системными осложнениями и историческими вариантами, это отношение церкви и государства в одном важном пункте их взаимного соприкосновения вплоть до специальных вопросов катехизиса. Я исходил из того, что необходимо распутать запутанную пряжу моей проблемы: сначала вопрос о свободе, потом о Боге и действительности, потом о человеке и человеческом обществе» (Ebenda, S. 157).

¹⁹ Речь, по всей видимости, идет о Христиане Янентском, авторе известной в то время работы: *Janentsky, Christian. Johann Caspar Lavater. Published Frauenfeld, Huber, 1928*.

писку, что я должен вмешаться, чтобы разрядить настроение. Но прежде, чем я сумел придумать методику снятия напряжения, Хайдеггер вскочил, взял подмышку свою папку, объявил, что должен прервать дискуссию, потому что Делекат слишком мало знает философию и убежал, даже не попрощавшись с нами. Этим актом морального дезертирства закончилась для зрителей очень показательная борьба между рафинированным нигилистом и весьма неуклюжим защитником Бога.

Исходя из моей собственной позиции, для которой философ *не только* сознает *бытие*, но прежде всего *творит* бытие, было это все-таки чрезвычайно показательно, что мыслитель, который провозглашает свободу как истину, но игнорирует освобождающую религиозную истину, закончил разговор актом, который по терминологии Тённиса²⁰ - я ведь социолог – относится к сфере *Kür-*, а не *Wesenswille*.

Я столько написал, что почти боюсь чрезмерно перегрузить Вас моим письмом.

О том, что Вас перевели в официальную отставку, разумеется, я слышал, и меня порадовало, что Вы все еще в старой манере учите и действуете. 170 машинописных страниц, которые характеризуют интенцию Вашей системы, я Вас прошу мне прислать. Меня живо интересует все, что Вы пишете, хотя сам я пишу сегодня почти только о России как религиозной проблеме. Если быть искренним, то должен еще сказать, что я, может быть, потому так долго ничего не давал о себе знать, что все хотел Вам написать о Вашей Логике Предикатов. Я ее читал, но так и не нашел времени самому себе ее как следует разъяснить, чтобы Вам точнее написать. Этот долг меня тяготит. Может быть мы увидимся, и тогда обговорим эту проблему. Если нет, то я Вам напишу. Статью Кронера²¹ и еще одну о «религиозном смысле революции» посылаю вам этой же почтой. 14.6. в 19 часов я опять делаю доклад по радио о театре и кино. Быть может, у Вас будет время. Это совсем маленький отрывок популярной социологии культуры.

²⁰ Тённис (Tönnies) Фердинанд (1855-1936) – один из крупнейших немецких социологов и историков, антифашист. Ему принадлежит впервые выдвинутая, задолго до Шпенглера, дихотомия «культура – цивилизация» (*Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Leipzig, 1887*).

²¹ Kroner, Richard (1884-1974) -философ, учился в Хайдельберге вместе со Степуном, затем во Фрайбурге защитил диссертацию у Г. Риккерта. Вместе со Степуном готовил сборник «Von Messias» (1909). Занимался изданием немецкого «Логоса». В 1938 г. эмигрировал в Великобританию, в 1940 в США. Основная идея его культурфилософских разработок заключается в выяснении сущности и смысла культуры. По его мнению, они коренятся в потребностях человеческого духа, присущих ему противоречиях природного и божественного, чувственного и разумного, в полюсах единства и множественности духа. Наиболее известны его работы по культурфилософии: «Самоосуществление духа. Прологомены к натурфилософии» (1928); «Культурфилософская база политики» (1931). О какой статье идет в данном случае речь установить не удалось.

Я сердечно приветствую вместе с Наташей Вас и Вашу жену и остаюсь с чувством внутренней тесной взаимосвязи
Всегда Вам преданный Ваш Ф. Степун

(Публикация, перевод с немецкого и примечания В.К. Кантора)